

Глава 30. Угрюмый Киноимператор (9)

Буквально за одну ночь вся страна узнала правду о Ши Цине.

Теперь всем стало ясно, зачем ему понадобилась целая армия телохранителей, почему он казался таким нелюдимым и отчего в жестоком мире шоу-бизнеса у него не было ни единого друга. Прежние поводы для нападков в одночасье превратились в причины для всеобщего сочувствия.

[Он ведь этого не выбирал... Кому захочется каждый день выслушивать проклятия в свой адрес?]

[Когда я впервые услышала название «анальгезия», то подумала: «О, как здорово — совсем не чувствовать боли!» Но после того поста и подробных объяснений мне стало по-настоящему жутко. Только представьте: человеку могут полголовы снести, а он даже не заметит...]

Прежняя угрюмость и холодность Киноимператора теперь казались естественным следствием его недуга. В конце концов, кто вправе требовать вечной жизнерадостности от человека, живущего с таким диагнозом?

Пока в сети бушевали дискуссии, в воздухе повис главный вопрос: «Где сейчас Ши Цин? Всё ли с ним в порядке?»

С тех пор как правда всплыла наружу, Ши Цин больше не появлялся на публике. Несмотря на мольбы и призывы фанатов, «стойкий духом» актер хранил молчание. В конце концов, официальный аккаунт его агентства опубликовал заявление: Ши Цин действительно страдает редкой врождённой нечувствительностью к боли, но скрывал это лишь потому, что не хотел выделяться. Сейчас он восстанавливается после травмы, и компания убедительно просит прекратить любые обсуждения его личной жизни.

После этого заявления поднялась новая волна споров. Однако теперь стоило кому-то заикнуться в духе: «А вы слышали про Ши Цина? Он ведь совсем не чувствует боли...», как преданные фанаты тут же вставали на защиту своего кумира. Среди них были и старые поклонники, и те, кто проникся симпатией к нему лишь после инцидента.

— Ши Цин не хотел, чтобы об этом судачили, так что имейте совесть.

— Если бы не этот несчастный случай на стриме, он бы ни за что не раскрыл свою тайну.

— Ему и так несладко. Столько лет хранил этот секрет, а теперь из-за одной трансляции об этом трубит вся страна. Представляете, каково ему сейчас?

— Это точно. Раньше он казался мне слишком мрачным, но сейчас я пересмотрела нарезки с

его участием. Заметили? Когда на промо-акциях все играют, он стоит в стороне, но в его глазах читается такая тоска... он тоже хочет быть как все.

— Прямо как моя младшая сестра: в прошлом месяце она приболела и не могла выходить на улицу, так весь день прижималась к окну, глядя, как играют другие дети. Только сестра выздоровела и вернулась во двор, а Ши Цин, скорее всего, никогда не поправится.

В воображении поклонников их кумир наверняка заперся в палате, с покрасневшими от слез глазами и в глубочайшем унынии. Одна мысль об этом вызывала у людей щемящее чувство жалости.

Цзин Юаньци думал примерно о том же. С тех пор как разоблачающий пост увидел свет, актер забаррикадировался в своей палате. Он не пускал никого: ни его, ни врачей, ни медсестер. Сказал лишь, что хочет побыть в тишине.

Ши Цин-то в тишине пребывал, а вот Цзин Юаньци метался от невыносимого раздражения. Будь он прежним, он бы уже давно вскрыл замок и, воспользовавшись моментом, втёрся бы в доверие, извлекая из чужой уязвимости личную выгоду.

Но сейчас он просто сидел на жесткой скамье в больничном коридоре. Потому что понятия не имел, как утешить Ши Цина.

Когда Цзин Юаньци осознал, что его нерешительность вызвана искренним беспокойством, он не сразу смог в это поверить. Он, привыкший играть чувствами и жить ради собственного удовольствия, наконец осознал, что это значит.

Он по-настоящему влюбился.

То, что начиналось как скука и поиск развлечения, обернулось фатальной привязанностью. Сейчас в его груди словно бушевал пожар: ему хотелось испепелить каждого, кто расстроил Ши Цина, и одновременно сжечь самого себя за то, что вообще позволил себе такие мысли.

Юноше казалось, что он совершает нечто противоестественное. Он ведь просто хотел немного пофлиртовать, добавить ярких красок в серые будни. Он никогда не планировал связывать себя настоящими чувствами.

Прежде он считал верхом глупости отказаться от целого леса ради одной-единственной сосны, но сейчас... сейчас в его мире существовало только одно дерево.

И в этот момент в голове юноши вспыхнул вопрос: «А Ши Цин... любит ли он меня?»

Хотя он постоянно твердил Ши Цину о его исключительности, тот никогда не отвечал взаимностью.

Цзин Юаньци успел проконсультироваться с врачом. По словам специалиста, такая болезнь притупляет восприятие, но раз Ши Цин так любит острое, значит, его случай не безнадежен. Скорее всего, он способен чувствовать очень сильную, резкую боль на каком-то едва уловимом уровне. Именно поэтому он пристрастился к «демоническому перцу» — его жгучая острота давала телу те крупницы ощущений, которых ему так не хватало.

А значит, то, что Ши Цин делился с ним этим перцем, было своего рода жестом расположения.

Когда же Цзин Юаньци деликатно намекнул, что Ши Цин на словах выражает неприязнь, но физически никогда не отстраняется, доктор вежливо посоветовал юноше обратиться к психологу.

Цзин Юаньци так и сделал.

Психолог объяснил ситуацию иначе:

— Судя по вашему описанию, господин Ши может избегать контактов именно из-за своего недуга. Любое неосторожное движение окружающих для него — риск получить травму, которую он даже не заметит.

— Представьте: он годами лишён близости, его восприятие притуплено. Каким бы холодным он ни казался снаружи, внутри он может отчаянно нуждаться в человеческом тепле. Но обычные люди, сталкиваясь с его напускным безразличием, предпочитают держаться подальше.

— И тут появляетесь вы. Вы говорите, что он угощал вас перцем, но хмурился, когда вы подходили ближе? Это лишь привычная маска, от которой он не может избавиться. Но в то же время он жаждет компании. Ваша напористость и телесный контакт для него — способ получить то утешение, которого он лишён.

Врач помолчал, а затем добавил:

— Конечно, такой формат отношений сложился во многом благодаря вашей... кхм...

Вспомнив об обещанном щедром вознаграждении от Цзин Юаньци, он не решился использовать такие слова, как «бесстыдство» или «наглость», и подобрал более благозвучный термин:

— ...вашей настойчивости. С характером господина Ши ему практически невозможно противостоять вашему беспардонному натиску. Если вы не сдаётесь, у него просто не остаётся иного выбора.

Цзин Юаньци всё понял, но задал самый важный для него вопрос:

— Мы общаемся в таком ключе уже десять дней. Есть ли у него ко мне чувства?

— Очевидно, в вас есть что-то, что его привлекает. Ши Цин — человек гордый и избирательный, он не подпустил бы к себе кого попало. Что же касается чувств... это вам придётся прочувствовать самому.

Ответив на вопросы, психолог вскользь заметил, что склонность к физическому и вербальному давлению на партнёра тоже может быть признаком определённых... психологических особенностей. И тут же профессионально предложил Цзин Юаньци проработать его собственное поведение.

Тот проигнорировал предложение. Заставив врача подписать договор о неразглашении, он помчался в больницу.

И вот теперь он сидел в коридоре, а в голове царил полнейший хаос. Если верить врачам, Ши Цин позволяет ему вольности, потому что болен. А он донимает Ши Цина, потому что болен сам. Чушь собачья.

Цзин Юаньци мысленно выбросил все медицинские выводы в мусорную корзину. Даже если это болезнь — лечиться он не собирался.

В этот момент к нему, тяжело дыша, подбежал Гао Чжи.

— Брат Цзин, я купил вино, как ты и просил.

Юноша провёл ладонью по лицу, стирая следы усталости. Когда он поднялся со скамьи, на его губах снова играла знакомая лучезарная улыбка.

— Давай его сюда.

Гао Чжи послушно протянул пакет. А затем, застыв в коридоре, наблюдал, как Цзин Юаньци достаёт отмычку и привычным движением вскрывает замок палаты.

Стоило двери открыться, как юноша напрямик направился к кровати и сгрёб Ши Цина в охапку.

Гао Чжи лишь прикрыл глаза рукой и тихо закрыл дверь снаружи. Он уже давно догадывался, что между ними искрит не по-детски — Цзин Юаньци, казалось, готов был поселиться в палате учителя Ши.

Внутри комнаты Ши Цин, который только что закончил смотреть сериал и лёг в постель, рассчитывая время, притворился спящим. Но не прошло и десяти минут, как его обняли сзади.

Цзин Юаньци прижался к нему через одеяло, и его горячее дыхание коснулось уха.

— Учитель Ши...

Голос юноши звучал хрипло и устало, словно он не спал несколько суток:

— Я слышал, близость отлично снимает стресс...

Он медленно запустил руку под одеяло, понизив голос до вкрадчивого шёпота:

— Может, мне раздобыть белый халат? Как вам идея поиграть в «врача и пациента»?

Ши Цин мысленно усмехнулся.

«Всё тот же несносный искуситель»

Он слегка повёл плечом:

— Не дави на меня.

— Какая холодность, — Цзин Юаньци послушно отстранился и поднял пакет, стоящий на кровати. — Ладно-ладно, на самом деле я пришёл предложить вам выпить.

— Я не пью, — отрезал Ши Цин.

— Ну же, — юноша склонился над Киноимператором, его глаза с прищуром игриво блеснули.

— Неужели никто и никогда не составлял учителю Ши компанию за бутылкой вина?

Мрачное выражение лица актера на миг сменилось тенью печали. Он шевельнулся в постели и разомкнул губы:

— Никто.

Цзин Юаньци откупорил обе бутылки. Одну он протянул Ши Цину, глядя на него с тем колдовским очарованием, что могло бы соблазнить и святого.

— Значит, я снова стану у учителя Ши первым.

Актер посмотрел на вино, в его глазах что-то мелькнуло, и он наконец принял бутылку.

Напоить человека, пребывающего в унынии, — задача не из трудных. Особенно если за маской холодности скрывается неспособность отказывать. Когда вино закончилось, Цзин Юаньци с удовлетворением наблюдал за Ши Цинем, который в полубытьи растянулся на кровати.

Его взгляд, обычно отстранённый и ледяной, теперь подёрнулся влажной дымкой. Он растерянно смотрел в потолок, а его губы беззвучно шевелились, словно он звал кого-то по имени.

Цзин Юаньци медленно склонился к нему:

— Учитель Ши, вы звали меня?

В глазах актера на мгновение отразилось замешательство, но вскоре его лицо озарилось редкой вспышкой радости. Он пробормотал что-то невнятное и впервые сам обнял юношу.

«Маленькая жемчужница» попала в сети, но Цзин Юаньци не спешил с триумфом. Он прошептал, едва касаясь его лица:

— Учитель... я вам нравлюсь?

Ши Цин заторможенно моргнул, глядя на него снизу вверх. Он слегка нахмурился, словно в замешательстве, а затем протянул руку и слегка ущипнул его за щёку.

— Почему ты не улыбаешься?

Юноша усмехнулся и растянул губы в своей фирменной «солнечной» улыбке. Он тихо рассмеялся, касаясь губами мочки уха Ши Цина:

— Вам так нравится моя улыбка?

Ши Цин послушно прошептал:

— Да, нравится.

Цзин Юаньци самодовольно расплылся в улыбке. И пока он наслаждался моментом, Киноимператор, в котором хмель вытеснил привычную сдержанность, вдруг приподнялся и опрокинул его на кровать.

И впился в его губы поцелуем.

«Система, он на крючке»

«Можешь возвращаться к своему «Дао Дэ Цзин»»

<http://bllate.org/book/15834/1436786>